

Злейшие враги рабочих и крестьян перед судом народа

(Передовая «Правды» за 4 марта 1938 г.)

Готовя преступную войну против Советского Союза, фашистские штабы и разведки приказывали своим агентам — троцкистам, бухаринцам, буржуазным националистам: всеми средствами разорите крестьянство, доведите его до голода, до нищеты. И подлые выродки из «право-троцкистского блока» принимали этот приказ не только с готовностью, но и с полным согласием. Эта человекоубийственная директива отвечала их собственным взглядам. Как показал на суде шпион и диверсант Чернов, директива германской разведки и директива Рыкова в области сельскохозяйственного предательства вполне совпадали. Они гласили: организовать голод в деревне и в городе.

В показаниях на суде Чернова, Гринько, Зубарева, Иванова, Рыкова развернулась отвратительная картина преступлений, которые совершены были по указаниям «право-троцкистского блока» в деревне. С цинической деловитостью эти профессиональные шпионы, провокаторы, убийцы показывали суду, как подрывали они крестьянское хозяйство, как лишали в ряде мест крестьянство хлеба, как отравляли скот, посевы, как погнали сельскохозяйственные машины и пытались развалить колхозы.

Они хотели пройти так по всей стране, оставляя за собой пепелища деревень, уничтоженные посевы, отравленный скот, голодающих людей, умирающих детей. Это была их программа, тщательно продуманная и выработанная на извергами Бухариным и Рыковым, одобренная Троцким, согласованная с генеральными штабами некоторых иностранных государств и фашистскими разведками. Презренные иуды, переболевшие легендарного предателя, имели целью обессилить, обескровить советскую страну, чтобы выдать ее на растерзание империалистическим хищникам.

Троцкисты и бухаринцы с охотой взялись за эту грязную и кровавую работу, потому что они ненавидят советское крестьянство так же люто, как и рабочих. Ненавистная злоба троцкистов и бухаринцев — это злоба злоба помещиков и капиталистов, у которых социалистическая революция отобрала фабрики и заводы, земли и усадьбы, это злоба беснующегося кулака, которое социалистическая революция лишила возможности эксплуатировать массы крестьянства.

Матерый провокатор Иванов, перебивший первого своего учителя нандарнского подполковника Колоколова, на второго учителя, Бухарина, показывал, что ему дана была на Северном Кавказе бухаринская «ориентировка» на купание востановления. Кулацкие востановления означали море крестьянской и рабочей крови, истребление лучшей части советского крестьянства, уничтожение колхозов, разграбление всего имущества трудящихся крестьян. Именно об этом мечтала объединившая шпионы царской охранки и шпионы иностранных разведок. Но эти дрянные мечты провалились. Вместо кулацких востановлений они увидели полный разгром кулачества. Вместо замышлявшихся ими деревенских поморщ, вместо опустошенных колхозов — расцвет советской деревни, рост крестьянской зажиточности, торжество честного, социалистического труда.

Огромнейшие победы колхозного строя распяли ненависть фашистских выродков к советскому крестьянству. Воображение бандитов — отравителей изощрилось в придумывании чудовищных форм предательства в сельском хозяйстве. Чернов и Зубарев использовали свое положение для массового отравления скота. Всеми средствами, как злые двуногие крысы, они

портит урожай, отравляли илещом собранное зерно, губили хлеб в амбарах.

Буржуазный националист Гринько, помощник попухача, выполнял гнусную директиву Бухарина: «Бить советским рублем по советскому хозяйству». Гринько бил в первую очередь по рабочим и крестьянам. Под его руководством такие же, как он, мерзавцы создавали нарочитые извращения в налоговой политике, срывали финансовую политику советской власти, срывали снабжение деревни товарами, делали все, что от них зависело, чтобы вызвать недовольство рабочих и крестьян против советского правительства.

Колхозный строй победил, несмотря на отчаянное сопротивление со стороны право-троцкистской сволочи. Трудовой вырост в крупную величину. Задыхаясь от нечистой злобы, обер-шпион Рыков дает своему подручному Чернову директиву: «Нужно, чтобы колхозники получили гроши за трудодень». И грязная рука немецкого шпиона протягивается к советскому крестьянину, стараясь ограбить его, обездолить, лишить его результатов честного колхозного труда.

Агенты царской и фашистской охраны сидят на скамье подсудимых. Не случайно потянуло агентов царской охранки Иванова, Зубарева, Зеленского и Бухарина и Рыкова! Сказалось тесное сродство предательских душ. Буржуазная реставрация по Троцкому и Бухарину — это воскрешение царизма во всей его мандаринской форме.

Презренная и ничтожная троцкистско-бухаринская сволочь! Как гады, они копошились на чистой советской земле. Они хватились за колеса трактора, пытались остановить его движение по колхозным полям. Но трактор давил их, оставляя на их месте поганую слизь.

Как воры, они пытались ограбить колхозника и превратить трудодень в гроши. Но проникнутая любовью и крестьянству, заботой о нем, мудрая политика Сталинского Центрального Комитета обеспечила в неустанный борьбе со всеми врагами народа непрерывный рост зажиточности колхозных масс. Трудодень становится все полновеснее. Никакая сила не в состоянии заставить наше крестьянство свернуть с колхозного пути. Счастливая жизнь расцветает в деревне вопреки всем гнусным проискам фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской агентуры.

И вот, разгромленный советским народом, предстал перед судом отвратительный осколок капиталистического мира: «право-троцкистский блок». Вот кому платили деньги фашистские и иные разведки, рассчитывая на силу этих гнусных лодышек. Они обещали империалистическим хищникам связать советскую страну и выдать ее, обессиленную, обескровленную, на милость победителей. Но теперь, найдя перед советским судом, они извиваются как перепугавшиеся в клубок черви, каются и лгут, лгут и каются, вызывая и себе безграничную ненависть и презрение всего честного человечества.

Это — осколок капиталистического мира, наделенный всеми пороками, какие веками создавал эксплуататорский строй: бесчестностью и продажностью, лживостью, аморальностью наемных убийц, человеконенавистничеством, развращенностью политических проституток, изуверством, доведенным до апогея.

Они давно внутренне сгнили. Сплошной смрад — их слова. Единственно весь советский народ требует уничтожить эту презренную банду злейших и подлейших врагов социалистического государства рабочих и крестьян.

жает газета — глубоко возмущают нас потому, что они направлены против страны социализма — великого завоевания рабочего класса всего мира — потому, что это — удар по великой стране, которая с первого момента нашей борьбы против фашизма проявила к нам братскую солидарность, а также потому, что мы, защитники демократической Испании, знакомы с методами работы троцкистов. Бухарин, Рыков, Ягоды, Крестинские и т. д. — это союзники, единомышленники тех, кто в Испании борется против народного фронта, кто создал шпионский аппарат в пользу Франко, работал над деморализацией армии и всеми способами подготавливал поражение пролетариата и народных масс нашей страны.

СТОКГОЛЬМ, 3 марта. (ТАСС).

Норвежская газета «Арбейдерен» пишет, что за каждое даже отдельное преступление, по которому обвиняются заговорщики из бухаринско-троцкистской группы, они заслуживают высшей меры наказания. Рабочий класс и все честные друзья Советского Союза понимают, что искоренение этих предателей — агентов фашистских агентов — в интересах мира и социализма.

Грозный гнев, величайшую ненависть к подлым фашистским наймитам выражают трудящиеся Кемерово, обсуждая материалы судебного процесса над антисоветским «право-троцкистским блоком». На снимке: митинг рабочих мехпеха ГРЭС. Пропандист тов. Удовиченко читает обвинительное заключение. Фото Малышевского.

Уничтожить наймитов фашизма — право-троцкистских злодеев — таково требование трудящихся масс СССР

Смерть фашистским наймитам!

(Из резолюции митинга рабочих, инженерно-технических работников и служащих шахты «Центральная». Присутствовало 1650 человек)

Заслушав обвинительное заключение прокуратуры Союза ССР и материалы судебного процесса по делу антисоветского «право-троцкистского блока», этой гнусной шайки злых врагов народа, фашистских наймитов, шпионов, диверсантов и убийц, мы, рабочие, инженерно-технические работники и служащие шахты «Центральная», горячо приветствуем наших старых честных и их боевого руководителя, верного, сталинца — Николая Ивановича Ежова, раскрывших и пресекших предательскую и шпионскую деятельность фашистской банды — Бухарина, Рыкова, Ягоды и других.

Мы единогласно требуем от Военной Коллегии Верховного Суда СССР применить ко всем участникам «право-троцкистского блока» высшую меру наказания — расстрел.

Смерть фашистским наймитам и предателям! — вот наш приговор. Мы помним и никогда не простим кровавым троцкистско-бухаринским псам их гнусных преступлений. Мы помним и никогда не простим этим гадам злодейского убийства наших лучших стахановцев, погибших от взрыва на шахте, организованного орудовавшими здесь подлыми наймитами фашистских разведок, сообщниками пре-

зренной банды, сидящей сейчас на скамье подсудимых.

В ответ на гнусные происки трижды проклятых троцкистско-бухаринских мерзавцев мы еще теснее сплотим свои ряды вокруг партии Ленина — Сталина, еще выше поднимем большевистскую бдительность, усилим борьбу по ликвидации последствий предательства, проводившегося на нашей шахте врагами народа, будем всемерно помогать нашим славным чекистам, чтобы до конца искоренить презренную троцкистско-бухаринскую банду.

Мы берем на себя обязательства шире развернуть социалистическое соревнование, шире внедрить стахановский метод работы и на основе этого добиться досрочного выполнения годовых программ угледобычи.

Пусть помнят наши враги, что мы всегда готовы встать грудью на защиту великих завоеваний Октября. За нашу родину, за победы коммунизма, мы будем бороться не щадя своих сил.

Да здравствуют наши славные чекисты во главе со сталинским парком Н. И. Ежовым!

Да здравствует наш родной и любимый учитель товарищ Сталин!

Стереть с лица земли озверелую банду предателей родины

(Из резолюции рабочих, ИТР и служащих Кемеровского АТЗ).

Заслушав обвинительное заключение и материалы процесса по делу «право-троцкистского блока» мы, рабочие, инженерно-технические работники и служащие азотно-тукового завода, в количестве 700 человек, с величайшим негодованием и гневом провозглашаем озверелых фашистских наймитов, шпионов, диверсантов и убийц из троцкистско-бухаринской банды. Мы требуем от Военной Коллегии Верховного Суда истребить всю подлую банду изменников и предателей нашей родины, гнусных извергов, убивших дорогих и близких нашему сердцу лучших сынов нашей родины — товарищей Кирова, Куйбышева, Менжинского и великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького.

Продавшаяся за 30 серебрянников фашистским разведкам, эта озверелая кучка кровавых псов, не имея никакой поддержки внутри страны, готовила интервенцию против первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

Презренная фашистская банда для осуществления своих подлых замыслов стремилась подорвать военную мощь нашей матери-родины, направляла свой

удар, свое змеиное жало к важнейшим предприятиям оборонной промышленности. Но зоркий страж нашей страны, страны социализма, наши славные чекисты, руководимые сталинским парком Н. И. Ежовым, пресекли замыслы изменников.

В ответ на происки троцкистско-бухаринских гадов мы еще выше поднимем революционную бдительность, выловим всех до одного бандитов, диверсантов, шпионов и убийц, как бы они не маскировались.

Мы еще теснее сплотимся вокруг партии Ленина — Сталина и положим все силы на выполнение решений партии и правительства о скорейшем пуске всех цехов нашего завода, укрепляющего мощь нашей родины.

Мы присоединяем наш голос к голосу трудящихся нашей страны и требуем стереть с лица земли мерзавцев, покушавшихся на нашу радостную счастливую жизнь.

Да здравствует наша зоркая советская разведка и ее боевой руководитель Николай Иванович Ежов!

Да здравствует коммунистическая партия и ее ленинско-сталинский ЦК! Да здравствует вождь народов — великий Сталин!

Слава советской разведке

О чувством глубокого возмущения и беспредельной ненависти к врагам народа заслушали мы обвинительное заключение по делу заговорщической группы антисоветского «право-троцкистского блока». Трижды презренные бандиты Бухарин, Рыков, Ягода и др., руководимые обер-бандитом Троцким, стремились утопить в крови нашу родину, распродав ее по частям фашистским интервентам. Подлые изменники хотели надеть на свободный советский народ ярмо капиталистического рабства.

Озверевшие троцкистско-бухаринские мерзавцы умертвили тт. Куйбышева,

Менжинского, Горького, злодейски убили С. М. Кирова.

Общий митинг красноармейцев и начсостава Кемеровского полка против Военной Коллегии Верховного Суда применить к врагам высшую меру наказания — расстрел. Все эта свора извращенных фашистских собак, банда убийц, шпионов, диверсантов и провокаторов должна быть уничтожена беспощадно.

Слава советской разведке и ее руководителю тов. Ежову, верному соратнику товарища Сталина!

По поручению митинга —

А. ФАДЕЕВ.

Врагам народа нет места на советской земле

Прочитав обвинительное заключение по делу контрреволюционного «право-троцкистского блока», мы, колхозники колхоза «Красная сибирячка», выражаем свою ясную ненависть к злым врагам народа, предателям и убийцам, к продажным «фашистским шпионам» — Бухарину, Рыкову, Чернову, Гринько и др. подонкам из право-троцкистской банды.

Трудно выразить словами наше негодование к этим извращенным фашистским псам, обреченным чудовищные злодеяния. Они хотели продать нашу родину фашистам, отнять у нас счастливую социалистическую жизнь, надеть на шею трудящихся петлю фашистской, кулацкой кабалы. Кровавые лапы этих фашистских собак обглотили кровью лучших, благороднейших, любимейших сынов нашего народа — Сергея Мироновича Кирова, Алексея Максимовича Горького, тов. Куйбышева, тов. Менжинского.

Всекие попытки врагов расстрелять наши ряды, отнять великие социалистические завоевания — обречены на провал, потому что весь советский народ зорко стоит на страже своих завоеваний. Меч страны социализма находится в надежных руках. Наши славные чекисты, руководимые великим сталинским парком Николаем Ивановичем Ежовым и впрямь будут беспощадно расстреливать и порчевать врагов социализма, в каких бы потайных норах они ни окрылялись.

Мы, колхозники сельхозартела «Красная сибирячка», горячо благодарим органы НКВД, которые помогли нам разоблачить врагов народа (Вешкина и др.), вредивших нашему колхозу.

Мы требуем от Верховного Суда самого беспощадного приговора — физического уничтожения всех до одного этих мерзавцев злодеев — Бухарина, Рыкова, Чернова и других.

Мы берем на себя обязательства в 1938 году завоевать высший сталинский урожай. Образцово подготовимся к весеннему севу, проведем его в сжатые сроки. Снимем урожай не менее 25 центнеров с гектара овса и 22 центнера пшеницы.

Будем неустанно повышать революционную бдительность. Беспощадно будем бороться со всеми врагами колхозного строя и добьемся дальнейшего укрепления своего колхоза, своей зажиточности и культуры, неустанно будем укреплять мощь нашей социалистической родины.

Стахановцы и ударники колхоза «Красная сибирячка», Старо-Червоного сельсовета:

СЕМЕНОВ, Ф. МАКАРЕНКО, В. СУСОВ, П. КОЗЛОВА, А. ЕЛИСЕНКО, В. ЧЕРВОВА, В. ЕЛИСЕНКО, Я. ЛИСИЦИН, П. БУРОВ, В. КОЗЛОВ.

Отклики иностранной печати на процесс антисоветского «право-троцкистского блока»

БАРСЕЛОНА, 3 марта. (ТАСС).

Орган компартии «Фронт рохо» в барселонской статье, посвященной процессу антисоветского «право-троцкистского блока», подчеркивает глубокое возмущение советского народа по поводу преступных планов, организаторов чудовищного заговора, ставившего целью реставрацию капитализма в СССР. Газета отмечает неоднократные предостережения товарища Сталина о том, что было бы преступным легкомыслием и беспечностью полагать, что фашистские государства не воспользуются любыми методами подготовки нападения на Советский Союз. Одновременно с усилением своей кампании против СССР и подготовки вооруженного наступления на советскую страну эти фашистские государства организуют шпионаж и террор и создают группы предателей в СССР. Газета далее подчеркивает, что фашизм во всех странах использует для служб себе изменников пролетариата. Во главе их стоит союзник и прислужник Гитлера агент гестапо (германская тайная полиция) и заклятый враг народных масс всего мира — Троцкий.

Испанские бойцы и трудящиеся — пишет «Фронт рохо» — не останутся равнодушными к процессу врагов народа, шпионов и вредителей. Испанский народ с напряженным вниманием следит за процессом и вместе с советскими трудящимися выражает свое глубочайшее негодование и ненависть к предателям советского народа. «Преступные акты врагов СССР — пропол-

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Вечернее заседание 2 марта

Допрос подсудимого Чернова*)

(Окончание. Начало в № 42).

Вышинский. В чем выражалось ваше сотрудничество с германской разведкой?

Чернов. Мне советская Обергауза, по моему мнению, не расширяла сильно связь с германцами, а держала связь с ограниченным количеством людей и закрепляла эту связь. Сначала по мне никто не являлся. Прошло несколько месяцев и у меня произошла встреча с представителем немецкой разведки.

Вышинский. Как же она произошла?

Чернов. Я работал тогда, по памяти, заместителем паркома или членом коллегии Наркомторга. Но мне повсюду, из информбюро Наркомторга и сообщали, что корреспондент немецкой газеты «Берлинер тагеблатт» Пауль Шефер должен со мной поговорить по вопросам информации. Действительно, через некоторое время ко мне явился Шефер и сказал, что он явился от полковника Обергаузы и назвал мне пароль «Рейнольд». Это была моя кличка как немецкого шпиона.

Я спросил Шефера, что требуется полковнику Обергаузе? В данное время он потребовал от меня информацию по вопросам внутрипартийной жизни, по вопросам состояния работы среди правых, троцкистов, о положении в деревне. Кроме этого, потребовал специальные сведения о запасах промышленных товаров. Особенно интересовался он запасами промышленных товаров в городе. Потребовал сведений о ходе хлебозаготовок и о мобилизационных запасах хлеба. Ому часть требуемых сведений — об информации положения в партии, о работе среди правых — я ему тут же передал словесно, а сведения цифрового порядка передал ему через несколько дней.

После этого у меня был ряд периодических встреч с Шефером. Я передавал ему для немецкой разведки информацию и через него получал от немецкой разведки указания об организации вредительской работы. Основное задание, которое немецкая разведка мне тогда дала, заключалось в том, чтобы организовать партию хлеба в стране. Для этого надо было задержать строительство складов и элеваторов, чтобы создать разрыв между растущими хлебозаготовками и складской емкостью в тем самым, как говорил Шефер, добиться двух вещей: во-первых, самой партии хлеба и, во-вторых, — вызвать озлобление крестьян, которое неминуемо, если они увидят, что хлеб гибнет. Требуется также организовать сплоченное заражение хлебных складов амбарными вредителями и, особенно, клещом. Шефер особенно требовал предъявлять к организации заражения амбарными вредителями и клещом мобилизационные запасы. Эти задания, полученные от Шефера, мною выполнялись.

Моя связь с представителями немецкой разведки снова восстановилась уже тогда, когда я перешел на работу в Комитет заготовок. Шпионско-вредительская работа особенно усилилась с моим назначением наркомом. Через несколько месяцев после назначения меня в Комитет заготовок явился некий Райнхольд, мой товарищ по меньшевистской организации в Иваново, работавший в Наркомторге в течение длительного периода. Мы с ним нередко встречались, поэтому я не удивился тому, что он зашел ко мне в Комитет заготовок. Но когда мы с ним остались в кабинете один, он сказал: «Нам надо с вами серьезно поговорить, Рейнольд». Этим было все расшифровано, все стало ясным. Оказалось, что Райнхольд является резидентом немецкой разведки в Советском Союзе и получил от Обергаузы указание — установить со мной связь. Мы встретились с Райнхольдом неоднократно. Когда я перешел на работу наркомом, наши встречи были посвящены тому, чтобы разработать подробную программу вредительской и диверсионной работы в области сельского хозяйства по основным узловым вопросам. Эта программа, разработанная на основе пребывания немецкой разведки, заключала в себе вредительство: по семенам, по совобороте, по машинно-транспортным станциям, по животноводству. При чем особым условием немецкой разведки ставилась организация вредительства в области ко-

оператива с тем, чтобы, как Райнхольд говорил, не дать лошадей для Красной Армии.

Что касается МТС, то здесь была поставлена задача выводить из строя тракторы, комбайны, сельскохозяйственные машины, запутать финансовое хозяйство МТС, для чего сказать во главе МТС людей негодных, провинциальных и, прежде всего, членов нашей правой организации.

В части животноводства были поставлены задачи — вырезать племенных производителей, добиваться большого падежа скота, не давать развиваться животноводческой базе, особенно использовать для падежа скота искусственное заражение скота различного рода бактериями.

Вышинский. Скажите подробно о падеже скота, откуда получали бактерии, какие и т. д.

Чернов. Мною были проведены следующие диверсионные акты. Для того, чтобы добиться падежа скота в Восточной Сибири, я предложил начальнику ветеринарного управления Гинзбургу, участнику организации правых, а через него начальнику ветсанбюро, также участнику организации правых, не заводить противозависимые биопрепараты в Восточную Сибирь, зная о том, что в Восточной Сибири очень опасно по части сибирской язвы. Препараты эти туда завезены не были. Подготовила эта работа в 1935 году и, когда весной 1936 года там вспыхнула сибирская язва, то оказалось, что действительно препараты туда завезены не были и тем самым было погублено (я точно не могу сказать) во всяком случае больше 25 тысяч лошадей.

Второе. Я поручил Гинзбургу и заведующему бактериологическим отделом Бюроинформ производств искусственное заражение в Ленинградской области свиной рожей, а в Воронежской и Азово-Черноморском крае — чумой.

С этой целью были выделены по моему предположению, три фабрики: Каншицевская, Орловская и Ставропольская. Там были изготовлены биопрепараты с ослабленными бактериями под особыми номерами серий. Номера этих серий были сообщены Бюроинформ, который сообщил их на места тем начальникам ветуправлений, на которых можно было полагаться в этом случае. А они, в свою очередь, передали их в районы тем ветеринарным врачам, которые были анти-советски настроены и в случае большого падежа скота не стали бы поднимать большого шума.

Таким образом эти биопрепараты были завезены и искусственная прививка была произведена в этих трех областях. Нужно считать, что благодаря этому диверсионному акту было погублено несколько десятков тысяч свиней.

Вышинский. Еще один вопрос по части связей с немецкой разведкой. Вы получали какие-нибудь деньги от разведки?

Чернов. Я в Берлине получил 2 тысячи марок...

Вышинский. А всего сколько?

Чернов. Примерно около 30 тысяч немецких марок и около 150 тысяч рублей советскими рублями. Значительная часть этих денег была использована на мои личные нужды, а некоторая часть для подкупа членов правой организации, которых я считал нужным подкупить.

Вышинский. Расскажите о ваших дальнейших связях с Рыковым.

Чернов. Кроме тех встреч с Рыковым, о которых я рассказывал, я имел следующую встречу с ним в декабре 1930 года. Был я вызван им самим, встреча происходила у него на квартире.

Настроение было такого порядка, что неминуемо в ближайшем времени крестьянские восстания, которые помогут при надлежащем руководстве со стороны правой организации перейти к захвату власти в стране.

Тут же от Рыкова я получил и указание об организации вредительской работы.

Следующий раз я встретился тоже по приглашению Рыкова с ним, кажется, в

октябре, но во всяком случае осенью 1932 года. Эта встреча происходила в тот момент, когда в деревне произошло резкое изменение. Колхозное движение окрепло, кулачество было разгромлено, и деревня уже начала реально ощущать результаты индустриализации страны. Хотя Рыков внешне и старался казаться спокойным человеком, но видно было, что он ошеломлен неудачей тех политических прогнозов, которые он до этого делал. И он в беседе со мной поставил вопрос таким образом, что нам нужно еще дальше уйти в подполье и ориентироваться в деле захвата власти на совершение «дворцового переворота». Как он говорил, мы должны путем «дворцового переворота», т. е. ареста и убийства руководителей партии и правительства, захватить власть в стране.

Вышинский. Следующая встреча с Рыковым когда была?

Чернов. Следующая встреча была в 1934 году, через несколько месяцев после назначения меня наркомом Союза. Происходила она по вызову Рыкова у него на даче. Здесь Рыков поставил передо мной задачу, сводившуюся к тому, что я должен организовать свою работу так, чтобы добиваться подрыва колхозного строя, а для этого вести работу колхозами так, чтобы не было заинтересованности у колхозника в колхозном производстве. А для этого вести колхозное хозяйство так, чтобы колхозник, как он говорил, получал гроши за трудотруд.

Следующая и последняя моя встреча с Рыковым состоялась в конце 1935 года. — Я точно не помню, — или в начале 1936 года. Это было в период, когда происходили известные кремлевские совещания руководителей партии и членов правительства о передовиках сельского хозяйства. При этой встрече указания Рыкова сводились к следующему. Он говорил, что мы, дескать, не можем не учитывать того роста и укрепления колхозов, которые имеются в стране, и того роста новых колхозных кадров, которые на этих совещаниях выявлены. Но это, дескать, относить не означать, что у нас нет сил в деревне, которые мы могли бы организовать. И в качестве этих сил указывал кулацкие элементы в лице возвращенцев из спецпоселений и антисоветски настроенные элементы из старой сельской интеллигенции: агрономов, врачей, зоотехников и т. д. Эти, дескать, силы мы должны всецело мобилизовать и использовать для нашего дела. — И особо подчеркивал, что для возможности захвата власти правых в стране имеются только два выхода: это насильственное устранение руководства партии и правительства, то есть их аресты или убийство или то и другое вместе.

И особенно он упирал на необходимость поражения Советского Союза в войне с капиталистическими странами в случае нападения последних на нас. И в этом свете особо указывал на всю важность организации вредительской и диверсионной работы, говоря, что раз нам необходимо поражение Советского Союза для завоевания власти в стране, то мы это поражение должны ускорить, а равно ускорить и самое наступление войны путем уменьшения экономической и оборонной мощностей Советского Союза.

Вышинский. Ваши встречи с Рыковым, по вашим словам, носили характер получения указаний и инструктажа со стороны Рыкова в отношении вашей преступной деятельности. Так это?

Чернов. Да.

Вышинский. Подсудимый Рыков, таких, как Чернов, у вас соучастников было много?

Рыков. Это была моя ошибка, но я это к очень крупным соучастникам не причисляю. Он по дороге из ресторана на вокзал успел попасть в полицейский президент.

Вышинский. Вот, скажем, скамья подсудимых, здесь не мало наших соучастников, Чернов один из них?

Рыков. Да.

Вышинский. А у вас, подсудимый Чернов, таких руководителей, как Рыков, было много?

Чернов. Кроме Рыкова и немецкой разведки — никого.

Вышинский. Когда вы пропали в большевистскую партию?

Иванов. В 1915 году.

Вышинский. При каких обстоятельствах? По личному побуждению?

Иванов. Было указание от подполковника Колоколова о том, чтобы я вступил в большевистскую партию.

Вышинский. Значит, вы вступили в партию по указанию подполковника Московской охранки Колоколова?

Иванов. Да.

Вышинский. В каких целях?

Иванов. В целях возможно более глубокого освещения деятельности большевистской организации.

Вышинский. С провокаторскими целями?

Иванов. Да, с провокаторскими целями.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, вы имели связь с группой «левых» коммунистов?

Иванов. Да.

Вышинский. А кто вас повел в эту группу?

Иванов. Здесь ничего меня не привлекало по сути дела, потому что самое мое грехопачение и страх, что я могу быть разоблачен при советской власти, меня толкали и гнали в стан врагов. И я, как ворон, летящий по замаху на падаль, влиялся во всякие враждебные группы, которые борются с советской властью, потому что я рассчитывал, что тогда при реставрации власти буржуазии я не буду разоблачен.

Вышинский. Когда вы примкнули к «левым» коммунистам?

Иванов. В конце 1917 или в начале 1918 года.

Вышинский. Значит, вы примкнули к этой группе как враг, который рассчитывал, что с этой группой вам удастся свалить советскую власть?

Иванов. У «левых» коммунистов я находил то, что мне было нужно как врагу советской власти и рабочего класса.

Вышинский. Вы тогда с Бухариным были связаны?

Иванов. Мы были на нескольких совещаниях. Потом Бухарин однажды поставил передо мной вопрос о том, что в знак протеста против партии и против линии Ленина нужно выйти из коммунистической партии и организовать свою партию. Расчет был на то, что это может привести к распаду коммунистической партии и победе «левых» коммунистов. Я работал тогда партийным организатором в Басманном районе. Мне не удалось получить поддержку в партийной массе по линии «левых» коммунистов. Масса шла целиком за Ленина. Мне было ясно, что вся работа «левых» коммунистов обречена на провал, на банкротство.

Потом я встретился с Бухариным на X съезде партии, где у нас с Бухариным был следующий разговор. Он поставил вопрос о том, что у меня, мол, с Лениным расхождение по вторым вопросам: а сейчас занят подготовкой своих кадров, которые готовы были бы по первому моему, Бухарина, зову выступить против Ленина. Это, по моему, было предзнаменование к созданию «школы» Бухарина.

Вышинский. Как Бухарин рассчитывал выступить против Ленина? В каких формах он готовил выступление?

Иванов. Он был довольно резко настроен. Он просто ждал подходящего момента. Он хотел иметь свои кадры.

Вышинский. Для чего?

Иванов. Для того, чтобы устранить Ленина.

Вышинский. Как устранить?

Иванов. Вплоть до физических методов.

Вышинский. А вы говорите о «школе». Хорошая «школа»!

Иванов. Она известна в партии как «школа» «левых» коммунистов.

Вышинский. А в действительности это не «школа», а банда, которую создал Бухарин. Продолжайте свои объяснения.

Иванов. Интересен был разговор с Бухариным в 1926 году. Он прямо говорил, что нужно готовиться к борьбе в открытом бою с партией. В 1928 году я еду на Северный Кавказ вторым секретарем. Тут Бухарин ставит вопрос о том, чтобы я на Северном Кавказе создал группу правых. При чем, он говорил о том, что Северный Кавказ в нашей борьбе с партией и советской властью имеет очень большое значение. Мы, говорит, должны возглавить соответствующее преступное движение, особенно казачество, движение против советской власти. Нашей задачей является Северный Кавказ превратить в русскую Вандею.

Вышинский. Практически, что вам предлагал Бухарин?

Иванов. Практически Бухарин предлагал создать группу правых. Я ее создал. Он предлагал связаться с враждебными элементами. Мы связались с казачеством кулачеством и все подготовили для того, чтобы обеспечить кулацкое восстание на Северном Кавказе.

Вышинский. Ставился ли тогда вопрос Бухариным, Рыковым о захвате власти?

Иванов. О захвате власти до 1931 года ставился вопрос.

Вышинский. И вам в этой связи было дано конкретное задание организовать повстанческие отряды на Северном Кавказе?

Иванов. Да, организовать повстанческие отряды на Северном Кавказе и потом в Северном крае.

Вышинский. В бытность вашу в Се-

верном крае какое вы получили задание от Бухарина?

Иванов. Бухарин дал задание — силами правых организаций приоткрыть к подготовке поражения советской власти при интервенции, при войне с капиталистическими фашистскими государствами.

Вышинский. А какие указания давал Бухарин на счет правых?

Иванов. Он сказал о том, что Лобов специально организует это дело и он должен меня информировать о том, как это дело будет осуществляться. Он сказал: «Вы должны резиденту, который будет там послан, своей партийной организацией оказывать всемерную помощь с тем, чтобы обескуражить потребности английской разведки».

Вышинский. А вы выполняли эти назначения?

Иванов. Выполнял, обслуживал, направлял материал, получал указания через этого резидента. Причем, эти указания, получаемые от английской разведки, целиком совпадали с теми директивами, которые я получал от центра правых.

Вышинский. Целиком совпадали? Так что вы иногда не различали, где действует центр правых, а где иностранная разведка?

Иванов. Да, здесь было полное совпадение.

Вышинский. Теперь перейдите к вопросу о террористической деятельности и террористических планах.

Иванов. Перед нашей организацией в Северном крае была поставлена задача создать террористическую группу.

Вышинский. Чем была поставлена эта задача?

Иванов. Бухариным. Бухарин несколько раз к этому делу возвращался, в частности после убийства Кирова. Он говорил о том, что выстрел в Кирова показал, что одиночные террористические акты результатов не дают, что нужно готовить массовые террористические акты, и только тогда мы получим результаты. Его установка была на то, чтобы ликвидировать руководство партии.

Вышинский. Что вы имели еще показать о вашей вредительской деятельности?

Иванов. Мы собирали повстанческие группы, главным образом, вокруг Архангельска, с тем, чтобы в момент интервенции разорвать связь Архангельска с центральными властями нашей страны и тем самым облегчить англичанам захват этого лесного района и важнейшего порта. Главное внимание в моей вредительской работе было направлено на срыв технического перевооружения лесозаготовок, на срыв капитального строительства, особенно целлюлозно-бумажной промышленности, с тем, чтобы держать страну на голодном бумажном паюке и этим самым ударить по культурной революции, сорвать снабжение страны тетрадами и этим вызвать недовольство в широких массах.

Отвечая на вопрос тов. Вышинского, подсудимый Иванов говорит о своей последней встрече с Бухариным в начале 1937 года.

— Никогда я Бухарина не видел таким яростным и злобным, как тогда. Он на меня набросился, что — вы трусы, вы ленивцы, вы мне все тычете — «массы», массам не нужно потакать, а вы должны знать, что организация правых против масс будет вести войну. А вы хотите им потакать.

Вышинский. Он хотел вести войну против масс?

Иванов. Да. И дальше, он поставил вопрос таким образом, что, если есть отходы, то нужно пойти на более развернутые шаги по уничтожению тех, кто решится открыто раскатыться перед советской властью и этим самым может разоблачить нашу правую организацию.

Вышинский. (Бухарину). В 1928 году Иванов поехал на Северный Кавказ и вы ему дали поручение заниматься организацией нелегальной группы правых. Правильно?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Именно нелегальной?

Бухарин. Нелегальной.

Вышинский. Это вы подтверждаете. Вы поручили ему также выполнять ряд ваших заданий в связи с этой организацией в период 1928 года. Речь шла не только относительно вербовки, а также относительно организации повстанческих отрядов?

Бухарин. Я в технику этого дела не входил.

Вышинский. Я не говорю о технике организации повстанческих отрядов, я говорю о платформе правых, в которой была установка на повстанчество. Когда поручили Иванову создать нелегальную организацию, тогда был у вас разговор относительно повстанческих отрядов?

Бухарин. В это время не был и не мог быть.

Вышинский. А чем должны были заниматься нелегальные организации?

Бухарин. Нелегальные организации должны были заниматься собиранием сил для борьбы против партии.

Выясняя, как Бухарин давал контрреволюционные задания Иванову еще в 1928 году, тов. Вышинский задает ряд вопросов Бухарину и Иванову.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, говорили вы Иванову, что перед ним стоит задача, поставленная центром правых, — организация повстанческого движения?

(Окончание на 3-й стр.)

Утрехнее заседание 3 марта

Допрос подсудимого Иванова*)

Вышинский. Подсудимый Иванов, скажите, при каких обстоятельствах, когда вы вступили в подпольную контрреволюционную организацию?

Иванов. Первое мое грехопачение началось в 1911 году, когда я начался Тульской гимназией, в 8 классе. Паровой охранке удалось меня заарестовать в качестве своего агента.

Вышинский. С каким именем утверждением вы были связаны как охранник, в каком городе?

Иванов. С жандармским охранником управлением в городе Туле.

Вышинский. В Туле вы с кем были персонально связаны?

*) Сокращенная стенограмма

Иванов. С ртомистром Маматказиным.

Вышинский. Вы получали вознаграждение за свою работу?

Иванов. Получал вознаграждение и в Москве и в Туле.

Вышинский. Затем вы приезжаете в Москву, поступаете в Московский университет в 1912 году?

Иванов. Да.

Вышинский. В 1913 году вы в Москве ведете активную работу в охранке?

Иванов. Да.

Вышинский. С кем вы связываетесь?

Иванов. С ртомистром Грязновым и подполковником Колоколовым.

Вышинский. В чем выражалась ваша провокаторская работа?

Иванов. Я информировал о революци-

онном движении в студенческих организациях, информировал об отдельных товарищах, которые вели революционную работу.

Вышинский. Сколько времени вы состояли агентом московской охранки?

Иванов. С 1913 года по конец 1916 года.

Вышинский. Какое же вознаграждение вы получали?

Иванов. В тульской охранке получал сначала 15, потом 20 рублей.

Вышинский. А в московской охранке?

Иванов. Получал сначала 30, 40 рублей, затем дошел до 60—75 рублей. В процессе улучшения качества моей работы моя ставка поднималась.

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Допрос подсудимого Крестинского

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Вышинский. Ссылался на письмо к Троцкому, как на доказательство разрыва с троцкизмом?

Ракоский. Да, на это письмо, как на доказательство, что он отошел. Письмо Крестинского в ЦК было напечатано в газетах в 1928 году.

Вышинский. Следовательно, на мой вопрос — был ли в ноябре 1927 года и позже Крестинский троцкистом — как вы отвечаете?

Ракоский. Да, Крестинский был троцкистом и с троцкизмом никогда не порывал.

Вышинский. Следовательно, как вы расцениваете сделанное здесь вчера заявление подсудимого Крестинского, что он не был троцкистом, по крайней мере с ноября 1927 года?

Ракоский. Как не соответствующее действительности. Я обращаюсь если позволите суд, к самому Крестинскому. Председательствующий Ульрих. Пожалуйста.

Ракоский (Крестинскому). Николай Николаевич, когда я был в ссылке, ты мне писал?

Крестинский. Да, через дочь, которая жила в Саратове, я писал.

Вышинский. Я просил бы, подсудимый Ракоский, сообщить, о чем вам писал в 1929 году, во время вашего пребывания в Саратове, в ссылке, обвиняемый Крестинский?

Ракоский. Крестинский в этом письме писал, чтобы я вернулся в партию, естественно, в целях продолжения троцкистской деятельности.

Вышинский. Значит, вы сейчас устанавливаете факт его связи с вами, хотя вы были ссыльным троцкистом?

Ракоский. Да, и его желание, как и других троцкистов, сохранить троцкистские кадры, по возможности проникнув в партию.

Вышинский. Значит, он уговаривал вас, чтобы вы, из тактических соображений, в интересах троцкистского дела, вернулись в партию?

Ракоский. Так я понял.

Вышинский. Подсудимый Крестин-

ский, правильно понял содержание вашего письма подсудимый Ракоский?

Крестинский. Правильно.

Вышинский. Я прошу суд о следующем. По моему требованию сейчас были проверены документы, изъятые при обыске Крестинского. Среди них имелась копия его письма Троцкому от 27 ноября 1927 года, того самого письма, на которое ссылался вчера Крестинский, и о котором говорит Ракоский.

Я прошу разрешить мне предъявить Ракоскому и Крестинскому эту копию письма и спросить их, об этом ли письме Троцкому оба они говорят.

(Копия письма от 27 ноября 1927 года предъявляется Крестинскому, затем Ракоскому).

Крестинский. Это то самое письмо.

Вышинский. Прошу предъявить копию письма обвиняемому Ракоскому.

Ракоский. (читая письмо). Да, насколько я могу помнить, это есть то самое письмо.

Вышинский. Прошу разрешить предъявить Ракоскому выдержку из газеты «Экономическая жизнь» от 8 апреля 1928 года, где написано: «...из письма Крестинского от 22 марта 1928 года». Не это ли он имел в виду, когда говорил о письме Крестинского в ЦК, посланном уже после его письма к Троцкому?

Ракоский. Да, об этом.

Вышинский. Значит, все факты установлены. Подсудимый Ракоский, не помните ли вы следующего места из личного письма Крестинского Троцкому, как оно отражено в копии. Крестинский пишет: «По моему глубокому убеждению, тактика оппозиции за последние полгода была глубоко ошибочной, вредной для целей самой оппозиции, можно сказать, трагической неправильной». Можно ли из этого абзаца сделать заключение, что здесь содержится какое-либо осуждение троцкизма?

Ракоский. Нет. Крестинский рассуждает, как человек, находящийся в троцкистской организации. Он исходит из

троцкистских предпосылок. Он говорит в интересах троцкистской организации, троцкистских целей.

Вышинский. (обращаясь к Крестинскому). Вы высказывали подробное обличение Ракоского о так называемом отходе вашего от троцкизма. Считаете ли вы эти обличения Ракоского правильными?

Крестинский. То, что он говорит, правильно.

Вышинский. Если верно то, что говорил здесь Ракоский, то будете ли вы продолжать обманывать суд и отрицать правильность данных вами на предварительном следствии показаний?

Крестинский. Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

Вышинский. Что означает в таком случае ваше вчерашнее заявление, которое нельзя иначе рассматривать, как троцкистскую провокацию на процессе?

Крестинский. Вчера, под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстоятельством подслушивания обвинительного акта, усугубленного моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виноват, я почти машинально ответил — нет, не виноват.

Вышинский. Машинально?

Крестинский. Я не в силах был перед лицом мирового общественного мнения сказать правду, что я все время троцкистскую борьбу против советской власти.

Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тягчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измены и предательства.

Вышинский. У меня больше вопросов к подсудимому Крестинскому пока нет.

Допрос подсудимого Рыкова*

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Рыков, ваши показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Рыков. Да, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Рыков, скажите, когда началась ваша подпольная заговорщическая деятельность против советского правительства?

Рыков. По существу дела она началась с 1928 года. Я боролся активно против всей политики партии и советского правительства и, главным образом, против политики партии в отношении к крестьянству. Эта деятельность выразилась в моих, что называется, легальных выступлениях. Нелегальная организация в этот период использовала все возможные возможности.

Вышинский. Какие у вас были отношения с Ягодой в 1928—29 годах?

Рыков. В отношениях с Ягодой все было нелегально. У нас уже в этот период существовали кадры, которые были специально законспирированы в целях организации дальнейшей борьбы с партией. К этим людям, в частности, принадлежал Ягода, с которым я был в этот период в тесном личном контакте, от которого я получал специально подобранные материалы, которые я использовал для своих выступлений против политики партии в деревне. Когда в дальнейшем на заседании Политбюро было открыто соучастие Ягоды к нам по вопросу о чрезвычайных мерах в хлебозаготовках по отношению к кулачеству, он после короткого времени осуществил маневр двурушничества: заявил себя сторонником партии, на самом деле оставаясь членом нашей контрреволюционной организации. Причем, сделав это было не только с моего ведома, а, насколько помню, и по моему совету.

Вышинский. Было ли у вас с Ягодой соглашение о том, что члены вашей подпольной организации им не будут репрессированы?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Было ли с Ягодой соглашение о том, что он будет оберегать подпольную организацию правых, используя свое служебное положение?

Рыков. Да.

Вышинский. Подсудимый Ягода, вы подтверждаете эту часть показаний Рыкова?

Ягода. Факт подтверждаю.

Вышинский. Следовательно, вы совершили прямую государственную измену?

Ягода. Да.

Вышинский. Продолжайте, подсудимый Рыков.

Рыков. В этот период так называемой открытой борьбы партия с легальной, открытой борьбой, сразу стал складываться и нелегальный центр правых в составе меня, Бухарина и Томского. Руководство борьбой было в наших руках. Этот центр утверждал и продолжал свою контрреволюционную работу до последнего времени.

Нелегальная работа заключалась в том, что также же группы в тот период с 1928 по 1930 год стали создаваться и на территории Союза. Таким образом, деятельность по созданию нелегальной организации в тот момент, с 1928 по 1930 годы, прошла и не могла не пройти по всему Союзу. Главными составными частями того, что вошло

в состав контрреволюционной организации в Москве, был Томский со своими профессионалистами, Бухарин со своими связями, в частности со своими учениками, с его «школами», потом и с целым рядом своих сторонников, затем Угланов с группой своих сторонников, из которых. Это сразу составило организацию правых. До 1930 года шла подготовка этой организации.

В этот же период, в целях борьбы с партией мы использовали профсоюзный съезд. Почти все 93 человека, которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде, вошли в нашу контрреволюционную организацию.

Когда на пленумах, конференциях и съездах партии позиции правых подверглись систематическому разоблачению, было совершенно ясно, что удержаться на легальной позиции было невозможно. Тогда началась серия заявлений об отходе от партии. Все эти заявления были обманом партии. Из центра, куда и я входил, давались непосредственные директивы о том, чтобы такие заявления подавались.

Несколько позднее, одним из последних, подав заявление об отходе от партии, был заявлено о платформе правых и я вместе с Бухариным и Томским. Этим заявлением мы хотели обмануть партию. После того, как было вынесено решение съезда партии о несоответствии взглядов правых с принадлежностью к партии, мы перешли полностью на нелегальность.

Вышинский. Меня интересует период 1928—29 годов. В это время у вас действовал руководящий центр?

Рыков. Да, тройка, с самого начала.

Вышинский. В лице кого?

Рыков. В лице моем, Бухарина и Томского.

Вышинский. Перейдем к дальнейшему периоду.

Рыков. Следующий период—1930—33 годов, это тот период, когда формировались наиболее преступные методы работы и цели, которые поставила себе контрреволюционная организация. Я должен здесь оговориться, было бы неправильно сказать, что в период 1928—30 годов никто из правых не говорил о применении таких методов, как террор.

Вышинский. Были такие?

Рыков. Конечно, в этот период отдельные лица уже выставляли требования о применении этих методов. Но это были предвещания того, что потом было принято в виде тактики контрреволюционной организации правых. Для периода 1930—33 годов в смысле принципиальных установок является характерной, так называемая, рюштинская платформа. Обозначалась эта рюштинская платформа двояким образом: в 1932 г. при моем участии на даче Томского. Кроме меня на первом собрании присутствовали Бухарин и Томский и целый ряд лиц, в числе которых был Василий Шмидт и Угланов. Платформа называется рюштинской потому, что она была издана «Горняками правых, группой Рюштина, из московской организации Угланова».

Эта группа при производстве следствия по поводу этой платформы приняла всю ответственность на себя. Это было сделано с заранее обдуманным намерением, чтобы нам самим не быть привлеченными к ответственности за эту платформу. Благодаря тому, что Ягода был во главе ОПУ, нам удалось это сделать.

Вышинский. Уже тогда, следовательно, элементы терроризма имели место в вашей деятельности?

Рыков. Платформа признавала, насколько и помню, ибо принимал участие в редактировании, называвшиеся методы изменения руководства партии и страной — террор, восстания. Вторая формулировка — это «обединение тех сил, тех организаций, которые борются с партией и правительством СССР». Эти два тезиса являлись основными и определяющими в рюштинской платформе и вместе с тем для всего последующего периода. Наша контрреволюционная работа за этот период стремилась опереться и оперлась до некоторой степени на те силы контрреволюции, которые в это время активизировались. Я имею в виду кулацкие выступления, кулацкие восстания, кулацкий саботаж, который в то время был довольно широко развит.

Центр правых обращал на Северный Кавказ особое внимание, в связи с большим удельным весом казачества и зажиточного крестьянства.

Туда в 1932 году ездил специально Эйсмонт в целях организации нашего участия в кулацком движении. Эйсмонт поехал туда с моего ведома и после предварительного разговора со мной. С ведома и по инициативе Бухарина туда, с теми же целями был послан Слепков.

Вышинский. Что вы скажете, подсудимый Бухарин?

Бухарин. Я подтверждаю все, что говорил здесь до сих пор Рыков.

Отвечая на вопросы прокурора, Рыков далее сообщает о контрреволюционной работе правых, которая проводилась в Сибири. Он заявил, что знает от Бухарина, о том, что Яковенко в Сибири осуществлял такую же работу, каковую вел на Северном Кавказе, т. е. он стремился поднять кулацкие активные выступления. Он неоднократно виделся с Бухариным и разговаривал с ним. Конечно, Бухарин давал ему указания, директивы, пропагандировал его.

Вышинский. (обращаясь к суду). Позвольте Бухарина спросить по этой части. Подсудимый Рыков правильно осветил факт послышки вами Яковенко в Сибирь для организации кулацкого восстания?

Бухарин. Правильно. Яковенко встретил меня случайно в Серебряном Бору. Он сказал, что есть достаточные силы для того, чтобы поднять восстание. Я ему сказал, что сначала не дал, сказал, что посоветуюсь со своими единомышленниками. Этот вопрос и поставил формально на обсуждение центра.

Вышинский. В 1932 году?

Бухарин. Да. Они выразили удовлетворение, что я сразу не ответил Яковенко подождал. После состоявшегося разговора я об этом сказал Яковенко, не вдаваясь в детали технической стороны, что центр стоит за то, чтобы движение разжечь и поднять восстание.

Вышинский. И он поехал?

Бухарин. Да, он поехал.

Вышинский. И что же, были там, в Сибири, кулацкие выступления?

Бухарин. Да, выступления были.

Вышинский. В 1932 году вы стали на путь прямой государственной измены. Правильно это или нет?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. (обращаясь к Рыкову). Это, подсудимый Рыков, вам также было известно? Это с вашего ведома делалось?

Рыков. Конечно. В связи с Северным Кавказом в смысле преступности есть еще один момент, это — по линии эсеровской связи, которую перед этим мы обсуждали специально в связи с кулацкими восстаниями, связи с эсерами на основе совместных антисоветских выступлений кулачества, как сообщил мне Эйсмонт, была осуществлена на практике на Северном Кавказе.

В этот же период сформулировались взгляды правых и по вопросу о терроре. Нарастание террористических настроений началось еще до 1930 года, насколько мне известно. Приблизительно в 1932 году оформилось наше положительное отношение к применению террора, как метода борьбы за власть, причем это нашло свое выражение и на практике. Создался целый ряд террористических групп. Я лично давал целый ряд террористических директив, кроме людей, близких мне, как Нестеров, Радин, целому ряду других. Я порекомендовал эти директивы и национальным организациям. Говорил по вопросу о терроре с участниками пантюркистской и бело-русской националистической организации. И о террористических установках с соответствующими выводами были широко приняты. У меня, кроме этих разговоров, по этому поводу были и другие. Нестеров затем сообщил, что на Урале в Свердловске была, по моим указаниям, создана организация.

В этот же период, в 1935 году я имел разговор террористического характера с Котовым, руководящим членом московской организации правых. Приблизительно в 1934 году я дал указания своей бывшей секретарше Артемиченко о нападении на проходившем правительственных машин.

В этот же период по вопросу о терроре была установлена связь с эсерами Семеновым через Бухарина. Я лично Семенова не знал. Бухарин сказал, что через Семенова он готовит покушение на Сталина. Потом мы, насколько помню, обсуждали вопрос о связи с эсерами по этой линии, и связь эта была установлена через Бухарина, который имел наиболее прочные связи. Я имел разговор такого же террористического характера и с Белобородовым при поездке на курорт дача Северный Кавказ. Это было приблизительно в 1934 году.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. В основном подтверждаю.

Вышинский. Вы тогда знали от Семенова, что готовит покушение на товарища Сталина и Кагановича?

Бухарин. Нет, Рыков не точно передает. Тут дело обстоит так. Семенов сообщил: у него есть связи с различными эсеровскими террористическими группами, и так-как он знает о настроениях среди правых контрреволюционных организаций по линии террора, то он предложил использовать эти связи.

Вышинский. Для чего?

Бухарин. Для террористической работы против руководства партии, в том числе Сталина и Кагановича.

Вышинский. Позвольте мне констатировать, что у вас, у Бухарина, как члена центра правой подпольной организации, была подпольная конспиративная связь с эсеровским террористом, который вместе с вами готовил покушение на товарища Сталина и других членов Политбюро, причем эта подготовка террористических актов шла с ведома и одобрения центра правых, в том числе Томского и Рыкова.

Бухарин. Да.

Вышинский. Перейдем к подсудимому Рыкову. Мы разобрали часть ваших преступлений. Закончили мы примерно 1933 годом.

Рыков. Конец этого периода совпадает с ликвидацией кулачества. В связи с этим правые потеряли свою последнюю социальную базу — кулачество. И последующий период характеризуется созданием исключительно заговорщической группы организации и применением самых острейших методов борьбы против партии и правительства.

Вышинский. (обращаясь к Рыкову). Скажите, пожалуйста, что вы делали в этот период?

Рыков. В этот период так называемой открытой борьбы партия с легальной, открытой борьбой, сразу стал складываться и нелегальный центр правых в составе меня, Бухарина и Томского. Руководство борьбой было в наших руках. Этот центр утверждал и продолжал свою контрреволюционную работу до последнего времени.

Нелегальная работа заключалась в том, что также же группы в тот период с 1928 по 1930 год стали создаваться и на территории Союза. Таким образом, деятельность по созданию нелегальной организации в тот момент, с 1928 по 1930 годы, прошла и не могла не пройти по всему Союзу. Главными составными частями того, что вошло

в состав контрреволюционной организации в Москве, был Томский со своими профессионалистами, Бухарин со своими связями, в частности со своими учениками, с его «школами», потом и с целым рядом своих сторонников, затем Угланов с группой своих сторонников, из которых. Это сразу составило организацию правых. До 1930 года шла подготовка этой организации.

В этот же период, в целях борьбы с партией мы использовали профсоюзный съезд. Почти все 93 человека, которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде, вошли в нашу контрреволюционную организацию.

Когда на пленумах, конференциях и съездах партии позиции правых подверглись систематическому разоблачению, было совершенно ясно, что удержаться на легальной позиции было невозможно. Тогда началась серия заявлений об отходе от партии. Все эти заявления были обманом партии. Из центра, куда и я входил, давались непосредственные директивы о том, чтобы такие заявления подавались.

Несколько позднее, одним из последних, подав заявление об отходе от партии, был заявлено о платформе правых и я вместе с Бухариным и Томским. Этим заявлением мы хотели обмануть партию. После того, как было вынесено решение съезда партии о несоответствии взглядов правых с принадлежностью к партии, мы перешли полностью на нелегальность.

Вышинский. Меня интересует период 1928—29 годов. В это время у вас действовал руководящий центр?

Рыков. Да, тройка, с самого начала.

Вышинский. В лице кого?

Рыков. В лице моем, Бухарина и Томского.

Вышинский. Перейдем к дальнейшему периоду.

Рыков. Следующий период—1930—33 годов, это тот период, когда формировались наиболее преступные методы работы и цели, которые поставила себе контрреволюционная организация. Я должен здесь оговориться, было бы неправильно сказать, что в период 1928—30 годов никто из правых не говорил о применении таких методов, как террор.

Вышинский. Были такие?

Рыков. Конечно, в этот период отдельные лица уже выставляли требования о применении этих методов. Но это были предвещания того, что потом было принято в виде тактики контрреволюционной организации правых. Для периода 1930—33 годов в смысле принципиальных установок является характерной, так называемая, рюштинская платформа. Обозначалась эта рюштинская платформа двояким образом: в 1932 г. при моем участии на даче Томского. Кроме меня на первом собрании присутствовали Бухарин и Томский и целый ряд лиц, в числе которых был Василий Шмидт и Угланов. Платформа называется рюштинской потому, что она была издана «Горняками правых, группой Рюштина, из московской организации Угланова».

Эта группа при производстве следствия по поводу этой платформы приняла всю ответственность на себя. Это было сделано с заранее обдуманным намерением, чтобы нам самим не быть привлеченными к ответственности за эту платформу. Благодаря тому, что Ягода был во главе ОПУ, нам удалось это сделать.

Вышинский. (обращаясь к Рыкову). Скажите, пожалуйста, что вы делали в этот период?

Рыков. В этот период так называемой открытой борьбы партия с легальной, открытой борьбой, сразу стал складываться и нелегальный центр правых в составе меня, Бухарина и Томского. Руководство борьбой было в наших руках. Этот центр утверждал и продолжал свою контрреволюционную работу до последнего времени.

Нелегальная работа заключалась в том, что также же группы в тот период с 1928 по 1930 год стали создаваться и на территории Союза. Таким образом, деятельность по созданию нелегальной организации в тот момент, с 1928 по 1930 годы, прошла и не могла не пройти по всему Союзу. Главными составными частями того, что вошло

в состав контрреволюционной организации в Москве, был Томский со своими профессионалистами, Бухарин со своими связями, в частности со своими учениками, с его «школами», потом и с целым рядом своих сторонников, затем Угланов с группой своих сторонников, из которых. Это сразу составило организацию правых. До 1930 года шла подготовка этой организации.

В этот же период, в целях борьбы с партией мы использовали профсоюзный съезд. Почти все 93 человека, которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде, вошли в нашу контрреволюционную организацию.

Когда на пленумах, конференциях и съездах партии позиции правых подверглись систематическому разоблачению, было совершенно ясно, что удержаться на легальной позиции было невозможно. Тогда началась серия заявлений об отходе от партии. Все эти заявления были обманом партии. Из центра, куда и я входил, давались непосредственные директивы о том, чтобы такие заявления подавались.

Несколько позднее, одним из последних, подав заявление об отходе от партии, был заявлено о платформе правых и я вместе с Бухариным и Томским. Этим заявлением мы хотели обмануть партию. После того, как было вынесено решение съезда партии о несоответствии взглядов правых с принадлежностью к партии, мы перешли полностью на нелегальность.

Вышинский. Меня интересует период 1928—29 годов. В это время у вас действовал руководящий центр?

Рыков. Да, тройка, с самого начала.

Вышинский. В лице кого?

Рыков. В лице моем, Бухарина и Томского.

Вышинский. Перейдем к дальнейшему периоду.

Рыков. Следующий период—1930—33 годов, это тот период, когда формировались наиболее преступные методы работы и цели, которые поставила себе контрреволюционная организация. Я должен здесь оговориться, было бы неправильно сказать, что в период 1928—30 годов никто из правых не говорил о применении таких методов, как террор.

Вышинский. Были такие?

Рыков. Конечно, в этот период отдельные лица уже выставляли требования о применении этих методов. Но это были предвещания того, что потом было принято в виде тактики контрреволюционной организации правых. Для периода 1930—33 годов в смысле принципиальных установок является характерной, так называемая, рюштинская платформа. Обозначалась эта рюштинская платформа двояким образом: в 1932 г. при моем участии на даче Томского. Кроме меня на первом собрании присутствовали Бухарин и Томский и целый ряд лиц, в числе которых был Василий Шмидт и Угланов. Платформа называется рюштинской потому, что она была издана «Горняками правых, группой Рюштина, из московской организации Угланова».

Эта группа при производстве следствия по поводу этой платформы приняла всю ответственность на себя. Это было сделано с заранее обдуманным намерением, чтобы нам самим не быть привлеченными к ответственности за эту платформу. Благодаря тому, что Ягода был во главе ОПУ, нам удалось это сделать.